

Д.В. Василевич (Минск, Беларусь)

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РЕЛИГИОЗНО-МИФОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ЭТНОСОВ ЯПОНИИ

Статья посвящена трем мифологическим системам японского архипелага, принадлежащим народам айну, рюкюсцам и японцам. Представлена история становления этих народов и их религиозных воззрений. Выделены характерные особенности каждой мифологии и её мировоздания, состоящего из неба, гор (суши) и моря. Прослеживается их взаимодействие и взаимовлияние в культуре Японии.

Ключевые слова: *мифология, Япония, этнос, религия, анимизм, фольклор, религия.*

Одним из наиболее заметных явлений в культуре Японии по праву считается мифология, влияние которой и сегодня ощущается во всех сферах жизни страны. Однако, когда речь заходит о *мифологии Японии*, это понятие почти всегда отождествляется с другим – *японская мифология*. Между тем это различные явления, поскольку, хотя Япония и считается мононациональным государством, на ее территории проживают еще два самостоятельных народа – айны и рюкюсцы, в разное время и разными путями оказавшиеся связанными с Японией и японцами. Таким образом, очевидно, что «мифология Японии» как понятие гораздо шире, чем «японская мифология», и может пониматься как «мифология народов Японии». Она включает в себя как мифологию непосредственно самих японцев, так и мифологию айнов и мифологию рюкюсцев, и при рассмотрении вопросов их этнической истории, художественной культуры, особенно ранних этапов ее развития, неизбежно возникает необходимость исследовать все это во взаимообусловленности.

Так и не достигшие уровня государственной консолидации айны, их культура, мифология могут быть восприняты как представляющие северный вектор в этногенезе японцев, обращенный к народам Сибири и российского Дальнего Востока. А рюкюсцы, их культура и мифология выступают в той же роли, но только для южного вектора, откуда тянутся нити к юэ (Вьетнам) и аустронезийским народам. Мифологические системы айнов и рюкюсцев обладают самоценностью и своеобразием, являются важным наследием, значение которого в их культуре гораздо выше, чем в культуре японцев, имеющих письменность, развитые многовековые литературу и искусство, в отличие от тех же айнов, у которых отсутствует собственная письменность, и художественная культура которых представлена прежде всего фольклором и мифологией.

История соотнесенности этих трех мифологических систем – это история взаимоприятия и взаимоотстранения культур столь близких и столь разных народов, населяющих Японию. Сама лексема, обозначающая мифологические объекты (богов, божеств, духов) и у японцев, и у айнов, и у рюкюсцев, имеет общую основу: *ками* (япон.), *камуй* (айнск.), *кан* (рюкюск.) [1].

Три мифологические системы, сложившиеся и функционирующие на Японских островах, представляют собой уникальное, феноменальное явление, поскольку составляют единый мифологический комплекс, в котором соединены воедино три совершенно различные мифологические традиции, абсолютно самодостаточные и оригинальные. Еще более удивительно то, что носителями этих мифологических традиций являются народы, имеющие принципиальные различия в видах хозяйственной деятельности и религиозных воззрениях.

Так, **японцы** – прежде всего земледельцы (для них характерно пашенное земледелие с преобладанием поливного земледелия); при наличии собственной религии – синтоизма уже с VI в. они оказались тесно связанными с мировой религией – буддизмом, оказавшим сильнейшее воздействие на жизнь всего японского общества. **Айны** – это народ, занимающийся, прежде всего, охотой, рыболовством, собирательством, никогда не имевший письменности и не знавший государственности; для айнов характерны анимистические представления. И, наконец, **рюкюсцы** – население некогда независимого королевства, его жители занимались рыболовством, земледелием и торговлей. В их культуре прослеживается заметное влияние буддизма, но вместе с тем, и сегодня основой духовной жизни остаются местные культы, предполагающие особую роль женского жречества.

Основным народом, населяющим Японские острова, конечно, являются японцы. Формирование японской народности закончилось уже в период раннего средневековья, одновременно с процессом формирования феодального общества. В III-V вв., создав свое государство (Ямато), японцы вели длительные войны с айнами, считавшимися уже в то время их северными соседями. События ранней истории японцев запечатлелись в самых первых письменных памятниках – «Кодзики» («Записи о делах древности», 712 г.) и «Нихонги» («Анналы Японии», 720 г.). Наряду с огромным мифологическим материалом, они содержат эпизоды, претендующими на роль «исторических хроник» [2].

Японская мифология представляет собой необходимое и чрезвычайно важное звено в развитии мифологии народов мира как единой системы, подтверждая и дополняя многие важные теоретические гипотезы. В этой

связи достаточно сказать, что одним из направлений изучения мифологии в современной Японии является сравнительно-типологический анализ японских и европейских мифов, в частности, древнегреческой мифологии.

Айны – самый древний народ, проживающий на территории современной Японии. Еще до появления на Японских островах племен, на основе которых сформировалась позднее японская народность, айнские племена заселяли всю территорию современной Японии. Предкам айнов принадлежали, по всей видимости, и некоторые варианты культуры дзёмон (букв.: ‘веревочный орнамент’), названной так по найденным археологами керамическим сосудам с характерным орнаментом, возраст самых ранних из которых насчитывает более 10 тысяч лет.

Существует гипотеза, что и японский синтоизм берет свое начало в айнских верованиях, подразумевающих наличие огромного числа божеств, которые живут во всех предметах и явлениях мира. Айнами создан богатейший фольклор, повествовательный и песенный. Удивительна и айнская мифология с ее сложной архитектоникой мира и огромным пантеоном верховных и локальных богов.

Вероятно, именно народная мудрость, пронесенная через века, моральные принципы и жизненные устои, запечатленные в мифах, преданиях, легендах помогали айнам вести многовековую борьбу за свое выживание. Уже в I тыс. до н.э. айнские племена стали тесниться переселенцами, племенами, которые потом стали основой японской народности. Эта борьба шла с переменным успехом в течение многих веков, пока, наконец, к VII в. между народами не сложился некий рубеж, гарантирующий хрупкое равновесие. Однако по мере усиления японского государства, все большее значение приобретало завоевание новых территорий и покорение аборигенов. С начала VIII в. айны все чаще стали упоминаться в японских летописных хрониках под именем *эмиси* ‘варвары’ или ‘восточные дикари’, а с IX в. – как *эдзо*, т.е. еще более оскорбительно – ‘люди с лицами дьявола’. Этим подчеркивалось антропологическое отличие айнов от японцев. Известно также определение *тэки* ‘звери’, а также *цутигуно* ‘земляные пауки’ [3, с. 8]. Трудно себе представить, чтобы после столь вызывающих названий отношения между народами оставались дружескими.

Японцы теснили айнов с их исконных земель до тех пор, пока, наконец, в результате жесточайшей борьбы и многочисленных восстаний в XVI в. айны не оказались вытеснены на остров Хоккайдо, куда затем стали проникать и японцы. В 1604 году на юге острова Эдзо (*совр.* Хоккайдо) было образовано княжество Мацумаэ. Спустя время был издан указ о политике по отношению к местному населению: его следовало обучать японскому языку, приобщать к японским обычаям. Тем, кто хорошо

работал, разрешалось брать японские фамилии и жить в домах японского типа, рекомендовалось заниматься сельским хозяйством [4, с.80].

Во второй половине XIX в. процесс вытеснения айнов с их земель был практически завершен. В 1873 году согласно закону о земельной реформе сам император Японии объявлялся владельцем острова Хоккайдо. На остров стали переселяться самураи упраздненных к тому времени княжеств, которые лишились средств существования. Айны, доведенные японскими правителями Хоккайдо до крайней нужды, болезней и полного истощения, уже не могли оказывать столь яростного сопротивления, которым они поражали японцев на протяжении веков. Им ничего не оставалось, как ограничиться саботажем и непослушанием. В это же время был введен и ряд запретов, ставящих целью искоренить традиционные обычаи целого народа. Мужчинам не разрешалось носить серьги, а женщинам – наносить татуировку на лицо. Было запрещено использовать стрелы с отравленными наконечниками. Зато предписывалось в обязательном порядке изучать японский язык и письменность.

И, наконец, третий народ, рюкюсцы, являющие собой, как пишут исследователи, «особую этнографическую группу, живущую в Японии, в прошлом представлявшую собой близко родственную японцам народность» [5, с. 936]. При этом все отмечают, что рюкюсцы, несмотря на процесс ассимиляции, сохранили языковые особенности, самобытную культуру и быт.

История островов Рюкю началась приблизительно в середине II тыс. до н.э. – именно таков возраст древнейшего культурного слоя на полуострове Тинэн. Уже в древности о красоте островов Рюкю ходили легенды. Китайцы, чьи летописи и зафиксировали первое упоминание об островах в начале VII в. н.э., называли Рюкю «Землей бессмертных счастливых», поскольку соседи рюкюсцев были убеждены, что именно жители этих островов знают секрет долголетия и вечной молодости, а сами они сделаны из золота и серебра. Еще немногим более ста лет назад острова Рюкю были королевством, история которого восходит к началу XII в., когда королю Сянтэну удалось объединить под своей властью разрозненные земли Рюкю. Правда, судьба не уготовила этому королевству спокойную жизнь. Острова Рюкю благодаря своему географическому положению всегда были экономическим и торговым перекрестком Азии, но кроме того – и объектом постоянных политических конфликтов. Лишь благодаря высочайшему искусству дипломатии маленькому королевству долгое время удавалось оставаться независимым.

Однако уже в начале XVII в. японский военный правитель – сёгун Токугава Иэясу, велел князю земли Сацума на острове Кюсю, самой

близкой к архипелагу, захватить королевство. Острова Рюкю стали колонией Сацума почти на два с половиной столетия. А через десять лет после революции Мэйдзи, уже в 1879 году, Окинава была объявлена японской префектурой. Семьдесят два острова префектуры протянулись более, чем на пятьсот километров и сами образовали три архипелага: Окинава, Мияко и Яэяма. На самом большом острове архипелага Окинава – острове Окинава, находится столица префектуры – г. Наха. Многие острова Рюкю необитаемы, и жизнь в основном сосредоточена в немногих городах – Наха, Наго, Кодзё, Итоман, Исигаки и др., которые упоминаются в произведениях рюкюского фольклора еще как небольшие деревушки.

Однако несмотря на все превратности судьбы и политические катаклизмы, рюкюсцы смогли сохранить свою традиционную культуру, и сегодня, спустя столетия, представляющую огромный интерес. Окинавская керамика и ткани, плетенная из соломы домашняя утварь и диковинные собакольвы – сиси, искусство татуировки и поразительные танцы – все это составляет славу рюкюской культуры.

Не менее известен и фольклор этого края: мифы, эпические сказания и народные песни, сказки, легенды. Материалы поистине неисчерпаемы. Мифология и фольклор удивительны и феноменальны по сути, ведь они вобрала в себя всю палитру традиционных представлений, иногда сохраняя весьма древние элементы, адаптировали инокультурные привнесения – китайские, корейские, стран Юго-Восточной Азии, значительно обогатились благодаря японской культуре. Однако при всех влияниях они остались настолько самобытными и оригинальными, что одного взгляда достаточно, чтобы безошибочно определить – перед нами рюкюская мифология и рюкюский фольклор.

Тем не менее даже в самой Японии исследование мифологии островов Рюкю не является ведущим направлением литературоведческой и фольклористической науки. Исследователей больше привлекает общекультурологический аспект. Именно поэтому наиболее типичными научными трудами в этой области могут считаться такие, как: «Словарь по истории культуры Окинавы» (Окинава бунка, 1972 г.) – прекрасное, полное издание энциклопедического плана, «Праздники Окинавы» (Окинава-но мацури, 1974 г.) – уникальная книга, содержащая обширную информацию обо всех традиционных праздниках и календарных обрядах рюкюсцев, а также многочисленные издания справочного характера, например, справочник «Культурные ценности Окинавы», вышедший в г. Наха на английском языке (Cultural Assets, 1975). Вместе с тем, а это необходимо отметить, что только в последние десятилетия проявился интерес японских ученых к мифологическим и фольклорным текстам островов Рюкю. Во

всяком случае, в каждое многотомное собрание японского фольклора стали непременно включать том, посвященный мифам и сказкам или архипелага в целом, или его отдельных островов. Ценность таких изданий заключается не только в том, что они содержат научно достоверные тексты, но и в том, что каждая такая публикация сопровождается большим послесловием (реже – предисловием), имеющим самостоятельное научное значение, т.к. может рассматриваться в качестве отдельной статьи [6].

Изучение мифологии народов Японии стало особенно актуальным в последнее время, когда у многих народов мира наблюдается всплеск этнического (национального) самосознания, повышение интереса к своей традиционной культуре, к своим истокам. Мифологические представления играют не последнюю роль в этом процессе. Именно в мифологии люди все чаще ищут ответы на злободневные вопросы современности, обращаясь к мифологическому и героическому прошлому своего народа. При этом особое значение приобретают не только «классические», канонизированные мифы, зафиксированные в литературных сводах, но и народная мифология, основу которой составляет локальный фольклор. Однако именно этот мифологический источник оказывается наиболее незащищенным перед стремительно надвигающейся урбанизацией, «массовой культурой» и т.д. Сохранение, фиксация и исследование произведений народной мифологии – одна из важнейших задач литературоведческой и фольклористической науки.

Все сказанное полностью может быть отнесено и к Японии. Более того, для Японии актуальность изучения мифологии повышается еще и потому, что забвению могут быть преданы целые мифологические системы, а именно, мифология айнов, не зафиксированная ни в каком литературном памятнике; мифология рюкюсцев, огромный пласт которой долгое время бытовал и в ряде случаев продолжает бытовать лишь в устной традиции, а также фольклорные произведения японцев, содержащие бесценные материалы по мифологии и сами являющиеся важнейшими мифографическими источниками [7].

Итак, как было показано выше, мифология народов Японии представляет собой сложное самобытное явление, включающее в себя три оригинальные составляющие: мифологию японцев, мифологию айнов и мифологию рюкюсцев, каждая из которых выступает в роли самостоятельной системы, имеющей ярко выраженные этнические черты, но ощутившей бесспорное инокультурное влияние. Благодаря исторической совокупности трех мифологических систем в Японии сложился многоплановый мифологический комплекс, который может быть обозначен как «мифология народов Японии». Несмотря на то, что каждая из названных мифологических систем функционирует самостоятельно, все

вместе они выступают в роли взаимодополняющих компонентов. Исходя из анализа мифологии японцев, мифологии айнов и мифологии рюкюсцев, нам удалось прийти к следующим выводам.

В мифологии японцев и верховные, и локальные божества – это, прежде всего, земледельческие божества процветания и богатства, а вся мифологическая система подчинена земледельческому календарному году и ставит во главу угла идею плодородия, рождения, продолжение жизни. Эпизоды, подчеркивающие именно эту идею, народные произведения (песни, сказки, пословицы, былины), записанные в XIX–XX вв., черпали мифологемы из классической мифологии, и поэтому такую широту приобрело бытование мифа об удалении Аматэрасу в Небесный грот. Той же идеей плодородия проникнуты народные песни, в которых упоминаются божества синтоистского пантеона. Характерен и сам «набор» божеств, нашедших отражение в народной традиции. Это исключительно те божества, которые связаны с продуцирующей магией – Бог рисового поля. Бог горы и т.д. Идеей плодородия проникнуты и народные песни, связанные с обрядами и праздниками, поэтому недаром главным божеством среди Семи богов счастья народные песни считают Бога Дайкоку – Бога богатства и плодородия, который ассоциируется в народном сознании с богом О-Куни-нуси из сводов «Кодзики» и «Нихонги».

Именно как отражение реального типа хозяйственной деятельности, на первый план в мифологической системе айнов выступают тотемические мифы, воспроизводящие многие детали Медвежьего праздника.

Островное положение архипелага и занятие рыболовством оказало влияние и на мифологию рюкюсцев, включающую хорошо разработанный цикл космогонических мифов.

В универсуме, свойственном каждой из трех мифологических систем, выделяется один или два мира, в котором, по преимуществу, происходит действие мифов, и где совершают свои деяния мифические герои. Так, очевидно, что в айнской мифологии особое значение придается небу не только как обители богов (что характерно и для других мифологических систем), но и как места, где разворачиваются все основные события айнской мифологии, места, которое наиболее тесно связано с землей и страной айнов – Айнумосири. Но, вместе с тем, для айнских мифов характерно острое ощущение связи (и даже единство) небесного мира и Айнумосири, богов животных и людей, поэтому боги без труда принимают облик земных промысловых животных, а люди даже изобрели целую систему перехода из мира людей в мир богов [8].

В японской мифологии небо также играет заметную роль, особенно, в космогонических мифах. Однако в народной мифологии особую святость

приобретают горы – на них обитают все синтоистские божества; на гору спускается праправнук богини солнца Аматэрасу – Ниниги; особое значение горе как центру и оси вселенной придается и в буддийской мифологии.

И, наконец, в мифах рюкюсцев на первый план выходит морская стихия, а все события космогонических мифов убеждают, что для рюкюсцев море – основа мироздания, а суша (острова) – лишь его часть.

Таким образом, мифология Японии представляет разные воззрения на мифологическое мироздание, состоящее из неба, гор (суши) и моря. Находясь в сферах разных религиозных систем, мифологические системы японцев, айнов и рюкюсцев вместе дают широчайшую картину функционирования и взаимодействия религиозно-мифологических представлений.

Библиографические ссылки

1. *Исида И.* Мифы и история / И. Исида. Токио : Токёдо, 1960. 396 с.
2. *Мещеряков А.Н.* Древняя Япония: культура и текст / А.Н. Мещеряков. М. : Наука, 1991. 222 с.
3. *Спеваковский А.Б.* Духи, оборотни, демоны и божества айнов (религиозные воззрения в традиционном айновском обществе) / А.Б. Спеваковский. М. : ГРВЛ, 1988. 208 с.
4. *Артюнов С.А., Щебенков В.Г.* Древнейший народ Японии: судьбы племени айнов / С.А. Артюнов, В.Г. Щебенков. М.: Наука, 1992. 208 с.
5. *Ионова Ю.В.* Народы зарубежной Азии / Ю.В. Ионова // Культура народов зарубежной Азии и Океании: сб. Музея антропологии и этнографии. Ленинград : Наука, 1969. 985 с.
6. *Таре О.* Основы японской мифологии / О. Таре. Токио : Токедо, 1991. 240 с.
7. *Мещеряков А.Н.* Древняя Япония: буддизм и синтоизм: проблемы синкретизма / А.Н. Мещеряков. М. : Наука. 1987. 192 с.
8. *Мацумото Н.* Исследование японских мифов / Н. Мацумото. Токио : Токёдо, 1971. 302 с.

М.М. Соколовская (Минск, Беларусь)

ЭЛЕМЕНТЫ ЯЗЫЧЕСТВА

В БЕЛОРУССКОМ МУЗЫКАЛЬНОМ ФОЛЬКЛОРЕ

Статья посвящена изучению проявлений языческой обрядности в белорусской фольклорной музыке. Исследуются ранние формы интонационной выразительности белорусской народной песни, непрофессиональной инструментальной музыки. Утверждается, что белорусская традиционная песня, взятая как текст культуры, воспроизводит смысловое наполнение языческих игрищ и гуляний, их условность, а также бинарную смеховую природу. Песенно-календарный цикл воплощает в себе